

ЛЕОНИД СОЛОВЬЕВ

ГРУСТНЫЕ И ВЕСЕЛЫЕ
СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ
МИХАИЛА ОЗЕРОВА

Леонид Васильевич Соловьев

Грустные и веселые события в жизни Михаила Озерова

Сканирование, вычитка, fb2 Chernov Sergey
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=327432

*Соловьев Л.В. Севастопольский камень: Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»; Москва; 1963
ISBN 978-5-4467-0041-7*

Аннотация

«... – Позвольте, позвольте! Кого другого? Кого? – слышала она, и хотелось ей зажать уши. И вдруг Чижев закричал: – Озерова, помощника?... Озерова? Да?..

Он обозлил Клавдию этим выкриком. Она остановилась, бледная, сказала коротко:

– Да!

Чижев подступил к ней вплотную. Были еще какие-то слова; совсем близко увидела она перекосившееся лицо Чижева, глаза, блеск зубов. Она отступила. Подломились в коленях ноги. Чижев с налету опрокинул ее на скамейку. Руки его шарили. Клавдия отбивалась молча, отчаянно, ломая ногти. Руки Чижева окостенели, не разжимались. Клавдии удалось повернуться, и, откидывая голову, она несколько раз сильно и резко ударила его назад затылком, рванулась, отбежала за дерево. Все произошло

в одну секунду. Медленно трезвея, Чижов достал из кармана платок, приложил к разбитому носу.

Клавдия спросила вызывающе, с веселой злобой:

– Что? Получил? Хорошо!..

На всякий случай она подняла булыжник, если опять сунется.

...»

Содержание

1	5
2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Леонид Соловьев

Грустные и веселые события в жизни Михаила Озерова

1

Это было в деревянном городе Зволинске.

По вечерам Михаил и Клавдия ходили в кино. Трижды мигнув, гасли лампочки, экран освещался голубым мерцанием первой вступительной надписи. Темный зал встречал надпись сдержанным гулом, только один Михаил не читал этой надписи вслух. «Раз, – говорил он, загибая палец. – Слышишь, Клава, запомни: раз».

Прямо в лицо сухим зноем дышала пустыня, индийский раджа раздувал хищные ноздри тонкого горбатого носа, Пола Негри шла в пески навстречу гибели. Через белые ледяные поля пробивались тяжелые ледаколы, отцы расстреливали сыновей, девушки разоблачали возлюбленных – агентов врангелевской разведки. «Путь в Дамаск», «Три встречи», «Индийская гробница», «Кровь и песок», «Сорок первый», «Водопад жизни», «Бухта смерти»... Клавдия с головой ухо-

дила в этот мир страстей, страданий и героических подвигов. Изнемогая от волнения, она судорожно сжимала руку Михаила, он же был спокоен и холоден: он считал надписи, затемнения и диафрагмы. «Сорок два титра, восемь затемнений, запомни, Клава!» «Сорок два титра, восемь затемнений, – повторяла она сухим, горячим шепотом. – Смотри, Миша, он лезет в окно».

Стрекотал аппарат, луч окрашивался то в голубое, то в красное. «Вираж, – шептал Михаил, – девятый вираж. Запомни, Клава». Фигуры на экране двигались с непостижимой стремительностью – так могут они двигаться только в провинции и только на последнем сеансе, когда механик устал, а дома дожидается друг и скучает один над нераскупоренной бутылкой и помидорным салатом.

Аппарат был старый, и часто механик объявлял в проекционное окно, как в рупор:

– Граждане, аппарат сломался. Сеанс окончен.

Граждане устремлялись к будке и находили ее предусмотрительно запертой изнутри. Граждане требовали заведующего. Механик отвечал через дверь:

– Заведующий здесь ни при чем. Аппарат старый. Дребезжит.

– А как же теперь? – спрашивали граждане. – Так и уходить, не досмотревши за свои деньги? Откуда мы теперь должны знать, что там с ним случилось, у Махны?

– А у Махны случилось с ним вот что, – говорил меха-

ник и, воодушевившись, открывал дверь. – Сидят они, стало быть, в штабе, водку пьют, и вдруг – полковник! Не тот, который в черкеске, а другой, толстый. Нагрянул и кричит: «Где план? Подавайте сюда план, или всех постреляю на месте, собачьи ваши глаза». Они и туда и сюда – нет плана! Сперли. Но кто? – вот вопрос. Тут, стало быть, который с усиками, хватает: «Вот он, красный! Держите!» Что?.. Какого полковника?.. Да не полковника вовсе, а этого, приезжего. Экой вы народ беспонятный! – сердился механик, и его черные греческие усы шевелились. – Говорят вам русским языком – приезжего хватает. Тут, конечно, обыск. Эх, спутался! Полюбовница приходит сперва, а в руках у нее письмо... Обождите-ка, я вам про письмо говорил?

– Нет, – отвечали граждане. – Про письмо позабыл.

– Ах, ты! – досадовал механик и снова рассказывал всю картину – подробно, с глубокими отступлениями в прошлое; граждане переставали понимать даже то, что видели до порчи аппарата.

Потом Михаил провожал Клавдию домой. Они шли через свежую весеннюю мглу переулков, разговаривая вполголоса, чтобы не потревожить угомонившихся на ночь собак. Вскоре они выходили на линию, к тусклому блеску рельсов. Здесь кругло цвели на низких железных стеблях зеленые огни стрелок. С затяжным убегающим звоном скользила по блокам проволока, протянутая к семафору. Твердые цепкие жуки, привлеченные на линию светом, с коротким гудением

ударялись в белую рубашку Михаила, впивались в волосы Клавдии. Она боялась, что жук может провалиться за блузку, и придерживала воротник рукой.

...Три месяца тому назад Михаил, сидя с Клавдией в кино, вдруг сказал:

– Я решил переменить свою жизнь в корне. Через год я буду на экране.

Тогда она ждала от него других слов, а этим не придавала значения. Она знала, что ребята часто хвастаются перед девушками силой, храбростью и много врут. Михаил понял ее мысли и угрожающе добавил:

– Вот посмотришь!

Теперь она убедилась в полной серьезности его решения. Он забросил драматический и литературный кружки, где раньше был главным запевалой; в стенной газете «Паровозник» ни разу с тех пор не появлялось ни стихов, ни фельетонов за его подписью. И только одна Клавдия знала о большом деле, за которое он взялся: провожая, он рассказывал ей свой сценарий. Он менял встречи, события, разговоры, и сегодняшняя выдумка всегда казалась ему лучше вчерашней. Это был героический сценарий, прославлявший красного моряка Ивана Бурового, победителя всех князей, баронов и генералов. Роль самого Ивана Бурового Михаил предназначал себе.

– Он выбросит селедки в море, а сам спрячется в бочку, – рассказывал Михаил, холодок вдохновения бежал по

его спине. — Он спрячется в бочку, и белые привезут его в порт. Затем он пробирается в штаб...

— Так нельзя, Миша. Он не проберется в штаб. От него будет вонять селедками, и часовые сразу догадаются.

— Ерунда! — сердился Михаил. — Он выкупается в море и переоденется.

— А где он возьмет другую одежду?

— В мешке привезет! С собой!

— Если он привезет мешок в той же бочке, — рассудительно отвечала Клавдия, — тогда, и переодевшись, он все равно будет вонять селедкой.

— Это неважно! Удивляюсь, как ты не понимаешь! Никто не обратит внимания. Ты думаешь, там, на фронте, одеколоном пахнет? Там всякое нюхали, не то что селедку! Слушай и не перебивай меня.

Вздохнув, она отвечала покорно:

— Я слушаю.

Они садились на любимую скамейку, против большого трехэтажного дома, стены его скрывала темнота, освещенные окна казались прорезанными прямо в небе.

— Он пробирается в штаб, прячется в кабинете генерала Палачева. Потом он смотрит гипнотическим взглядом, и генерал засыпает. Клава, ты опять не слушаешь! Если тебе неинтересно, то скажи прямо...

— Миша, мне очень интересно. Я внимательно слушаю. Я могу повторить, если хочешь.

Так они разговаривали, не замечая времени, а мимо, прогибая рельсы, беспрерывно грохотали перегруженные составы из Москвы и на Москву. Сверхмощные паровозы тащили вагоны с хлебом, картошкой, мясом, с тракторами и цементом, платформы с автомобилями, танками, аэропланами, цистерны с бензином и нефтью – все богатство и грозная сила огромной страны, – грохоча, перекатывались от границы к другой границе; дымили заводы, цвели поля, ревели самолеты на военных аэродромах, красноармейцы склоняли над учебниками стриженные головы; следователи терпеливо допрашивали разных мерзавцев, преодолевая желание плюнуть им в подлые физиономии; стыл бетон крепостных укреплений; пограничники лежали в секретах, плоские лучи прожекторов, перекрещиваясь, ощупывали воду и воздух – и все это для того, чтобы Михаил и Клавдия могли спокойно сидеть ночью на скамейке и поверять друг другу смешные и милые мысли.

В большом доме напротив гасли окна одно за другим. Клавдия загадывала – в каком ряду погаснет следующее окно: если правильно, значит будет исполнение желания.

...Дома Михаил прежде всего снимал ботинки. Он делал это из предосторожности, потому что иногда, разгорячившись, бегал по комнате и стуком каблуков мог разбудить хозяев. Дверь он завешивал одеялом.

За окном в палисаднике густо цвела сирень, темнота насквозь была пропитана ее запахом. Подобно факиру в «Ин-

дийской гробнице», Михаил вызывал из темноты славный дух Ивана Буревого. Сонно бормотали и ворочались хозяева за перегородкой, звенела гитара на улице – Михаил ничего не слышал, охваченный созидательным волнением. Он до того распалял себя, что карандаш прыгал в его пальцах и почерк менялся; он закрывал глаза – и стройной чередой проходили видения. Да, он вдохновенно сочинял свой сценарий, и если у него не все получалось ладно и хорошо, то потому только, что он еще ничего не умел. Зеркало висело сбоку; Михаил нарочно повесил его так, чтобы видеть себя, не вставая со стула. Заканчивая сцену, он тут же репетировал ее перед зеркалом. Вся роль превосходно удавалась ему, даже гипнотический взгляд.

Перед тем как сказать Клавдии знаменательные слова об экране, Михаил долго раздумывал о смысле жизни, о своем будущем. Уже давно его томили и тревожили неясные мечты о славе, о подвигах, и вот однажды он прочел в каком-то журнале статью знаменитого человека, известного всему миру.

«...Даже теперь мне страшно вспомнить о прошлом. Покинутый всеми, одинокий и осмеянный, я был близок к отчаянию. Бесперывные удары надломили мою волю, я начал терять силы, мужество, веру в себя. Я был одно время близок к тому, чтобы отказаться от своей заветной цели и мирно плыть в жизни по течению, безвольно подчиняясь всем его прихотям, ничего не завоеывая, довольствуясь лишь тем,

что само дается мне в руки. Все мои силы и способности растратились бы на житейские мелочи, как это, к сожалению, бывало с десятками и сотнями тысяч людей – моих современников... Я уверен, что талантливых людей гораздо больше, чем принято думать, но кому в то время нужна была их талантливость? И часто они сами не знали о ней и уходили, не оставив по себе следа на земле, ничем не обогатив мир. Есть хорошая сказка о нищем, который купил на толчке пиджак и двадцать лет носил его, не подозревая, что в подкладке зашиты бриллианты. Так и похоронили его в этом пиджаке с бриллиантами...»

«...Молодые люди! – восклицал далее знаменитый человек. – Не уподобляйтесь этому нищему, неустанно разыскивайте свои бриллианты, смелее показывайте их миру! Вы первое в истории поколение, которое не знает, что такое голод, конкуренция, карьера. Вас не обманут, не покинут, не осмеют, вам не грозит ни безнадежность, ни отчаяние, – так будьте же смелыми кузнецами судьбы, искателями счастья, ищите и шлифуйте свои бриллианты и помните, что жизнь без борьбы и благородных стремлений – не жизнь, а только существование!...»

Такие слова заставят задуматься хоть кого! Они звучали как боевой призыв. Михаил начал искать свой подвиг – и нашел, посмотрев одиннадцать раз «Чапаева». Все будет понятно, если добавить, что стихи Михаила дважды печатались в местной районной газете и что руководитель драмкружка

находил в нем определенный талант. Михаил вдруг почувствовал себя необычайно сильным, способным сделать все и сразу поверил в это, потому что сомнения – печальная привилегия зрелости, а ему только на днях исполнилось двадцать лет, и сомнений в его душевной описи не значилось. Он был так уверен в успехе, что заранее переселился в свое блистательное будущее и жил, опередив время на целый год. Это была странная и очень интересная жизнь, в которой все случавшееся сегодня было уже как бы воспоминанием – кроме Клавдии. С Клавдией Михаил не хотел расставаться; путь к славе он расчищал для обоих: он был героем, а Клавдия – героиней картины.

Готовясь к своему подвигу, Михаил в книге «Киноактер перед аппаратом» прочел о фокусах с лицевыми мускулами, о номенклатуре жестов и поворотов и с возмущением отверг всю эту систему хитрой и тонкой лжи. Нет, он не хотел обманывать себя и других, притворяясь Иваном Буревым! Нужно, уподобившись заботливому садовнику, вырастить в себе новую душу, непреклонную, смелую, благородную! Он твердо решил, сыграв роль, оставить за собой имя и фамилию героического моряка – это будет заключительной точкой в сложном процессе замены в себе одного человека другим.

Новые душевные качества завоевывались в тяжелой борьбе. Очень утомительно все время быть благородным; иногда не хочется вступать в разговоры с пьяными, пристающими на улице к женщине, тем более что пьяных трое и все – здо-

ровенные; очень противно вставать ночью и в целях воспитания воли по системе профессора Штейнбаха лить на тело, разгоряченное сном, ледяную воду из колодца. Чтобы проверить свою выдержку, он простоял однажды полчаса с вытянутыми вперед руками. Он мог бы перенести любые испытания; если бы он слышал когда-нибудь о геральдике, то нарисовал бы для себя герб: у подножья неприступной скалы с белой сияющей вершиной стоит гранитный обелиск – символ мощи и непреклонности, на граните высечена рука с перстом, указующим вверх, и под ней короткий девиз: «Сделай или умри!»

...Тетради убраны, и лампа потушена. Небо светлеет, звезды на востоке уже совсем исчезли, кроме одной, самой яркой. А Михаилу снится все тот же Иван Буревой – он вырвал из рук палачей прекрасную девушку Клавдию, и она полюбила его. «Сейчас не время! – сурово отвечает моряк. – Идите в санитарный поезд служить революции. Мы еще успеем поговорить о любви, если останемся живы...» Оглушительно бьет пулемет... Нет, хозяйка стучит в дверь костлявыми кулаками.

– Вам сегодня дежурить, Миша!

Неужели утро? Да. За окном прозрачная свежая дымка; уже плавают стекла верхних этажей; тополя, встречая солнце, замерли с просветленными вершинами и медленно опускают к ногам, на землю, влажные и легкие теневые одежды.

Михаил шел серединой улицы по мостовой. За огорода-

ми начинались запасные пути. Здесь всегда хлопотал маневровый паровоз-инвалид, оставленный по ветхости от пассажирской и товарной службы. Бодро погромыхая на стыках, он подбегал к составу. Тонким голосом он приглашал Михаила полюбоваться на его удаль. Никогда ему не удавалось стронуть вагоны сразу. Он лязгал буферами, шипел, хрипел, пар тугой струей хлестал из всех скрепов и фланцев. Колеса вертелись на одном месте, как будто паровоз был чуть-чуть, незаметно для глаза, приподнят над рельсами.

Из будки управления вылезал машинист Петр Степанович и с проклятием сыпал под колеса песок.

– Люди топливо экономят! Людям премию дают! – кричал он. – Так люди на паровозах ездят! А это что?

Паровоз заглушал его слова отчаянным шипением; вверху пар, охлаждаясь, сгущался и падал водяной пылью.

– Не идет? – спрашивал Михаил.

– Нет! – горестно отвечал Петр Степанович. – Ни в какую. Видишь ты – ни силы в нем, ни тяжести. Он сам под собой и крутится...

Петр Степанович сдвигал на затылок кепку с покоробившимся козырьком.

– Состав, что ли, тяжеловат?

И прикидывал прищуренным глазом длину состава.

Паровоз в это время продолжал крутить колесами на одном месте, натягивал цепи, стучал буферами. Но Петр Степанович знал, что паровоз без него все равно никуда не

уедет, и не торопился вернуться в будку.

– Не стронет, окаянный! Вот и получи с ним премию! Топливо сожрет, как порядочный, а возить – его нету! Эй, Маркелыч! – кричал он сцепщику. – Не берет, холера! Давай расцепляй, в два раза перевезем...

На этой ветхой машине Михаил под руководством Петра Степановича начинал изучение трудного дела – водить поезда. Потом его перевели помощником к машинисту Яну Яновичу Вальде. Прощаясь с Михаилом, Петр Степанович говорил.

– Ты, Миша, держись за этого Вальду. Этот Вальда очень головастый человек, он из тебя машиниста сделает первого класса. Я его давно знаю – он у меня помощником ездил на бронепоезде «Гром». Что было – только смеху подобно! Он по-русски не говорит, а я по-латышски не понимаю.

Петр Степанович улыбнулся, пожевал губами.

– Насели они пешим строем – цепями на бронепоезд. Сунутся, а мы им по морде, по морде! Пальба поднялась – белого света не видно; пули в паровоз тук-тук-тук!.. Но только гляжу – нет моего помощника!.. Туда, сюда – нет. А он вылез на тендер и кроет из маузера. Прямо орел! Под самыми пулями стоит, чертова голова! А я тут один управляйся на паровозе, как хочешь... А потом я его загнал на трое суток на гауптвахту.

Михаил удивился.

– За что же на гауптвахту?

Петр Степанович наставительно пояснил:

– За то, что во время боя паровозная прислуга из будки управления никуда не могли ни одного шага. А это он врал, что русского слова «назад» не понимает. Если «вперед», так он очень даже хорошо понимал. Вот за что... Ну, давай прощаемся, Миша...

Они погрустили, сидя на рельсах, в тени паровоза. Петр Степанович посетовал на свою старость.

– Сколько я вашего брата, помощников, выучил – нет числа. А ты уж, видно, последний... Вчера я, брат, заявление подал насчет пенсии.

На следующий день Михаил, робея, пошел к новому начальнику и учителю. Вальде пользовался на участке большим уважением за твердость характера и неоспоримые знания. Он был приземистым и рыжеволосым, на ходу широко разворачивал ступни и пригибал голову, точно ее тянула к земле тяжесть большой черной трубки, всегда висевшей в зубах.

Он встретил Михаила вежливо и холодно. Посапывая трубкой, сказал:

– Этот паровоз есть самый лучший на целый участок и сейчас находится в прекрасном состоянии.

Вальде помолчал, потом положил на регулятор тяжелую руку. Блестела полированная сталь рычагов, желто сияла медь арматуры, сияли крупные золотые зубы во рту Вальде; он повернул голову, и на его вчера выбритой щеке дрогнул

медный блеск.

– Я прошу вас, Михаил Озеров, служить хорошо. Помните, что песок есть злейший враг для всякий механизм. Поэтому всегда закрывайте масленку. Болт и клин могут ослабнуть, и тогда в машине получается вредный стук. Поэтому я прошу вас туго забивать клин и до отказа затягивать гайка. И еще я прошу поддерживать чистота и вытирать паклей поручни. Я люблю ездить на паровоз в белой рубашка и воротничок...

Он действительно ездил иногда в костюме при галстуке. Сдавая по окончании маршрута свой паровоз, он говорил:

– Этот воротничок есть такой же чистый, как вчера, потому что этот паровоз есть такой же чистый, как этот воротничок.

И, не дожидаясь ответа, уходил тяжелой неторопливой походкой, оставляя за собой густую вишневую струю дыма от флотского табака.

Михаилу с непривычки было холодно в этом храме чистоты и точности. Зато паровоз никогда не капризничал, и не приходилось пороть горячку, налаживая перед самым выездом инжекторы, как это часто бывало у других машинистов. А Вальде оказался не таким уж надменным и недоступным – выяснилось, например, что он любит хоровое пение и хлопчет об организации кружка в клубе; выяснилось, что дома у него живет замечательный ученый скворец, разговаривающий по-латышски и немного по-русски (с таким же, навер-

но, акцентом, как у самого Вальде).

Михаил легко нашел путь к сердцу Вальде – не жалея рук, чистил арматуру и при каждом удобном случае громко восхищался паровозом. Вальде был доволен новым помощником и великодушно прощал ему неизбежные мелкие промахи.

– Вы очень хороший помощник, но вы есть молодой человек и любите иногда вот это... как это по-русски? Мечта. Вы, наверное, много думаете о разных путешествиях, приключениях и еще о девушках. Михаил, помните, что эта машина – самый лучший на целый участок, и она очень ревнивая. Она не любит, если вы ухаживаете за ней, а в своя душа думаете о женщина. Мужчина всегда платит за такой обман очень дорого – он теряет обе женщина. Поставьте масленку крепко, Михаил, – смотрите, нефть льется на пол, а она стоит деньги...

За полчаса до окончания работы в цех пришел начальник депо, грузный и седоусый. Он изнемогал от жары, его парусиновый китель промок на спине и под мышками. Осматривая свои владения, начальник степенным хозяйским шагом направился в угол, где стоял у самого окна маленький новенький станок Клавдии.

– Добрый день! – сказал начальник.

Клавдия ответила:

– Добрый день.

Ей было неловко работать под его внимательным взглядом, и она склонилась ниже, прислушиваясь к бархатному ровному пению станка. Через смуглые, слегка закопченные стекла смотрело солнце; в цехе все вертелось, блестело, гудело, бежало – ремни, шкивы, шестеренки; на стенах, на потолке – всюду играли, плясали, прыгали зайчики, отраженные гладкой сталью. Острый резец чуть-чуть, самым уголком, на один волос касался металла и, словно разматывая солнечную нить, гнал бесконечную тонкую стружку.

Эта спокойная работа, совсем не требующая силы, только чуткости в пальцах, острого глаза, точности и терпения, была по душе Клавдии. Особенно любила она мягкую, податливую медь и могла по меди снять такую стружку – на удивление всему цеху, – как паутину! Железо нравилось ей меньше, к

серому чугуно относилась она равнодушно, сталь не любила, а белый чугун, упрямо сопротивляющийся резцу, твердый и хрупкий, как стекло, просто ненавидела.

Сегодня она работала по меди. На глазах начальника она два раза подряд нарочно сняла свою знаменитую стружку-паутину. Начальник разгадал ее мысли и засмеялся.

– Хочется, чтобы похвалили? С удовольствием! Есть за что...

Она подала начальнику готовый клапан – желтый, блестящий, гладкий – хоть на выставку! Начальник промерил его кронциркулем и остался доволен.

– Только вот руки у вас побиты и поцарапаны, – сказал он. – Разве можно девушкам руки портить?

– А что?

Начальник посмотрел веселыми глазами.

– Любить не будут, вот что.

Клавдия покраснела, но быстро нашлась и ответила с озорством:

– Будут!..

И сейчас же испугалась, разве можно так с начальником! Но сегодня он был в хорошем настроении, ушел посмеиваясь.

Конец работы, густой хриплый рев, сотрясающий стекла, потом тишина. Все остановилось, солнечные зайчики мгновенно успокоились и уснули на станках, на ремнях – там, где застал их гудок.

Возвращаясь домой, Клавдия зашла в аптеку и купила крем для рук. Михаилу она задала вопрос:

– Мои руки тебе кажутся некрасивыми?

Он удивился.

– Я как-то не обращал внимания. Давай посмотрим.

– Нет, нет... – Она быстрым движением спрятала руки за спину. – Потом. Сейчас они действительно некрасивые, все исцарапанные. Зря я тебе сказала, будешь теперь рассматривать.

Они шли купаться на речку. Дорога огибала пологие лысые холмы, навстречу, взметая желтую пыль, дул низовой ветер, на горизонте сгущался белесый зной, обещая грозу. Наконец за кустами блеснула река, вся покрытая мелкой солнечной рябью, точно сыпался на нее искристый дождь. Михаил давно уже разделся, шел в одних трусиках, заботливо раздвигая кусты перед Клавдией. И ей приятно было видеть, что он – стройный, крепкий, только слишком черный, – что же будет с ним в конце лета?

Любимое место для купанья оказалось занятым – какой-то бородатый рыболов с подвязанной щекой понатыкал здесь свои удочки.

– Куда вас черти несут! – захрипел он страшным, сдавленным голосом. – Ходят, только рыбу пугают!

Михаил, нахмурившись, остановился. Клавдия быстро шепнула:

– Не надо! Не связывайся! Пойдем дальше!

Она взяла его под руку, потащила за собой. Он упирался, грозно оглядываясь на рыболова.

– Перестань!.. – сказала Клавдия. – Какой злюка! Невозможно!

– У меня есть правило – за каждую обиду отплачивать.

– Нашел обиду! – засмеялась она. – Действительно! Рыбаки, они же все психи! Миша, посмотри, что это плывет по реке?

Они стояли на высоком глинистом обрыве, у самого края, но разглядеть ничего не могли, ослепленные блеском живой, торопливой игры воды, ветра и солнца.

– По-моему, это ящик, – неуверенно сказал Михаил.

– Ящик? Миша, а может быть, в нем что-нибудь есть?

– Да!.. – он оживился. – Надо посмотреть. – Он отступил три шага назад.

Клавдия угадала его намерения, но остановить не успела. Голос Клавдии настиг его уже в воздухе. Растягиваясь и выгибаясь, он стремительно летел по крутой дуге; в воду врезался, как снаряд, без плеска и брызг – вода только забурлила, вспенилась и сомкнулась над ним. Руки его коснулись песчаного дна; сильно оттолкнувшись, он пошел вверх, к прохладному зеленоватому свету, что слабо пробивался в подводную тишину. Через минуту он вынырнул, фырча и отдуваясь, жадно хватая воздух.

Ящик оказался пустым. Михаил направился к берегу. Стремительное течение несло его вниз. Он плыл, сильно вы-

брасывая руки, пришлепывая ладонями, высунувшись из воды всей грудью. Клавдия встретила его упреками:

– Ты совсем сошел с ума. Разве так можно? А если здесь мелко? Или кол? Или коряга какая-нибудь?

– Ладно, ладно. Подумаешь, важность – один раз прыгнул. Никаких кольев здесь нет – я купался на этом месте и знаю дно.

– Ты врешь! Ты все врешь! Ты не знаешь дна! У тебя, Миша, очень горячий и нетерпеливый характер. У тебя могут быть из-за этого неприятности в жизни.

– Я не боюсь никаких неприятностей! Но только здесь кольев нет, я же знаю...

Так они спорили до самой отмели, потом Клавдия переодевалась за кустами, потом они купались, лежали на горячем песке и снова купались, потом Михаил ловил пескарей под камнями и сажал их в отгороженную лужицу. Солнце уже садилось за лесом на той стороне; река успокоилась, затихла, накрытая тенью до середины; сильнее запахло сыростью, водорослями, плеснулась крупная рыба, квакнула лягушка, первый комар потянул сквозь тишину свою звенящую нитку.

– Пора, – сказала Клавдия. – Миша, уходи. Я буду мыть костюм.

Он уговаривал ее окунуться вместе в последний раз. Клавдия отказывалась – холодно! Смеясь, он подхватил ее, понес к воде и вдруг остановился. Кровь ударила ему в сердце, в

голову, он вздрогнул; глаза потемнели, расширились, дыхание отяжелело.

Клавдия поняла сразу.

– Миша, ты опять! – Она уперлась рукой ему в грудь, пытаясь освободиться. – Пусти меня!

Он молчал, прижимая ее к себе все крепче. Она притихла и смирно лежала на его руках, пряча лицо, чтобы не выдать своего волнения. Их разделяла только влажная ткань ее костюма.

– Миша, прошу ведь! Пусти! Ты обещал. Можно тебе верить, наконец, или нет?

– Верить? – Голос его окреп и очистился. – Мне всегда можно верить, Клава!

– Тогда пусти!

– Пожа-алуйста!..

Он хотел сказать это слово с пренебрежением, а вышло – с обидой. Подхватив свою одежду, он пошел вверх, к деревьям. Клавдия долго сидела на берегу одна, обняв колени, грустно улыбнулась и пожалела себя до слез. У нее были серьезные причины жалеть себя.

Михаил нетерпеливо кашлянул наверху. Клавдия сняла костюм и тихонько вошла в ласковые, теплые объятия воды. Ленивая зыбь всколыхнула ее отражение. Клавдия украдкой взглянула на обрыв. Если бы Михаил в это время смотрел на нее – она сделала бы вид, что не замечает. Но обрыв был пустым, ровным – никто не смотрел. Клавдия вздохнула, оде-

лась, поднялась по тропинке.

Михаил, заложив руки под голову, вытянулся на траве, смотрел в небо, охваченное светлым заревом. Клавдия села рядом, осторожно погладила его темные мягкие волосы.

– Ты сердишься?

– Нет, Клава... Я только удивляюсь. Ты как будто совсем не веришь мне.

– Я верю тебе... Но я уже давно хотела сказать...

– Я знаю, что ты скажешь. Может быть, ты ошиблась, может быть, я не нужен тебе?

– Не то, Миша, совсем не то. Совсем другое. – Ей было трудно. Она отвернулась. Казалось, она позабыла все слова и подолгу вспоминала каждое. – Я давно хочу тебе сказать, и все как-то не приходится.

Но Михаил, увлеченный своими мыслями, не слушал ее.

– Весь этот разговор вообще ни к чему. Я не из таких. У меня хватит выдержки. Я не какой-нибудь мещанин, у которого и мыслей других нет, только чтобы овладеть. Я с тобою гуляю не для этого, – быстро добавил он, покраснев.

Клавдия слегка улыбнулась. Михаил заметил ее улыбку, сдвинул брови.

– Ты напрасно смеешься! Хорошо, я докажу! Ты мой характер знаешь, мое слово твердое. Сегодня это было в последний раз. Теперь ты можешь даже раздеваться передо мной, как все равно перед столбом! – Он встал, резко затянул ремни сандалий. – Кончено!

Они возвращались молча. После таких разговоров между ними всегда возникало легкое отчуждение. Михаил шел краем дороги, обивая прутom колючие головки репейников. Ветер улегся и не пылил больше, разливы реки были гладкими, розовыми, из оврагов и низин поднималась синяя мгла, и опять замерли с просветленными вершинами тополя, прощаясь со своим светоносным богом.

Сегодня Клавдия опять не призналась, и это неприятно томило ее. Она старалась угадать, что он скажет, когда услышит: в этом был оскорбительный оттенок боязни. Клавдия шла и сердилась на Михаила, что слишком любит его, – если бы меньше, давно бы призналась. «Вот еще! Подумаешь! – Она решительно вскинула голову. – Скажу ему сейчас, а там пусть как хочет!»

– Миша!

– Что?

– Мне с тобой нужно поговорить... Я думала... очень много думала.

Михаил остановился, ждал, а Клавдия все молчала. Ее лицо было напряженным, ниточки бровей приподнялись, губы дрогнули и сомкнулись.

Михаил беспокойно пытливо заглянул ей в глаза, томимый ревнивым предчувствием.

– В чем дело? Что ты мне хотела сказать? Говори прямо...

Решимость покидала ее. «Тряпка! – подумала она о себе. – Нет, я скажу! – Она вздохнула прерывисто. – Нет, я не мо-

гу... Я потом скажу, когда-нибудь...»

Она заставила себя улыбнуться.

– Миша, ты совсем не то думаешь... Я хотела сказать о твоём моряке. Он вылез из селедочной бочки и прошёл мимо часового в штаб. Так нельзя. Его поймают. Пусть он лучше влезет в окно.

– В окно?.. – Он не поверил ей и тоже хитрил; Клавдия это чувствовала. – Нет, Клава. Окна в штабе закрыты. Как же он влезет?

– Он выдавит стекло.

– Ты говоришь глупости, Клава. Он всполошит шумом всех часовых.

– Никакого шума. Он намажет стекло мёдом, а сверху наклеит бумагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.